

УДК 165.12

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-75-84

Эпистемическое обоснование: деонтологические аспекты

А. А. Шевченко

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В статье анализируется проблематика эпистемических обязательств – от постановки вопроса об их существовании как обязательств особого рода до обсуждения границ таких обязательств и пределов ответственности эпистемического субъекта. Особое внимание уделено рассмотрению эпистемического поведения, выходящего за рамки «должного». Описаны основные характеристики и примеры такого поведения, сделан вывод о необходимости блокировать или существенно уточнять императивы эпистемической рациональности, которые требуют действий, хотя и похвальных с точки зрения привычной эпистемической нормативности, но выходящих за рамки эпистемически должного.

Ключевые слова

эпистемические обязательства, эпистемический субъект, пределы ответственности, сверхдолжное, нормативность, рациональность

Для цитирования

Шевченко А. А. Эпистемическое обоснование: деонтологические аспекты // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 2. С. 75–84. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-75-84

Epistemic Justification: Deontological Aspects

A. A. Shevchenko

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article analyzes the problems related to the philosophical analysis of epistemic duties – ranging from doubts about their existence as duties of a special kind to discussing the boundaries of such obligations and the limits of responsibility of the epistemic subject. Special attention is paid to the consideration of epistemic behavior that goes beyond the "call of duty", supererogatory actions. The paper describes the main characteristics and examples of such behavior and makes a conclusion about the need to block or substantially clarify the imperatives of epistemic rationality, which require actions, although commendable from

the point of view of standard epistemic normativity but lying beyond the scope of what is epistemically due.

Keywords

epistemic duties, epistemic subject, limits of responsibility, supererogatory, normativity, rationality

For citation

Shevchenko A. A. Epistemic Justification: Deontological Aspects. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 2, p. 75–84. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-75-84

Трудности, связанные с традиционным определением знания как обоснованного истинного мнения хорошо известны. В частности, проблема Геттиера высветила ситуации, в которых истина оказывается делом случая. Многочисленные попытки дополнить трехчастное определение знания некоторым дополнительным элементом оказались не слишком удачными, анализ см. в [Демин, 2020]. Более того, ряд исследователей пришел к выводу о принципиальной невозможности устранить такую случайность, показав, что при незначительной модификации исходных условий любая ситуация может быть представлена как ситуация Геттиеровского типа, например [Zagzebski, 1994]. Одним из следствий стал перенос акцента с анализа истины на процедуры обоснования в эпистемологии. При этом очевидно, что поиски некоторой идеальной или «хорошей» процедуры предполагают разговор на языке «должного». Так, в эпистемологии добродетелей речь идет о требованиях как к процессу эпистемического обоснования, так и к познающему субъекту (наличие у него таких качеств, как ответственность, беспристрастность, интеллектуальное мужество и др.).

Первый вопрос, таким образом, состоит в том, насколько корректно вообще говорить об эпистемических обязательствах, т. е. об обязательствах верить, не верить во что-то или воздерживаться от суждения. Нужно оговориться, что резоны принимать или не принимать нечто на веру бывают не только эпистемическими. Может существовать, например, моральное обязательство поверить словам друга, или обязательство благоразумия (пруденциальное) – довериться советам врача. Собственно же эпистемические обязательства принимать или не принимать нечто на веру – это обязательства, основанные на эпистемических соображениях, главным из которых обычно считаются имеющиеся свидетельства «за» или «против» некоторого мнения или суждения. И, конечно, если речь идет о деятельности эпистемического субъекта, то существенно важна и цель такой деятельности – стремление придерживаться истинных убеждений и воздерживаться от ложных. Казалось бы, это стандартные, исходные положения научной этики. Тем не менее, некоторые философы оспаривают само существование эпистемических обязательств.

Одной из первых современных работ, вызвавших многочисленные дискуссии на эту тему, стала статья У. Алстона [Alston, 1998], основанная на аргументе «от контроля», который стал уже стандартным не только в эпистемологии, но и в философии сознания, в дискуссиях о свободе воли. Его аргументация следующая: любые деонтологические требования к эпистемическому обоснованию имеют смысл лишь в том случае, если у нас есть некоторая свобода действий – принимать или не принимать нечто на веру. Другими словами, мы предполагаем, что мы имеем сознательный, произвольный контроль (*voluntary control*) над нашими эпистемическими установками. Автор здесь апеллирует к известному принципу «долженствование предполагает возможность» (*ought implies can*), согласно которому говорить об обязательности какого-то действия можно лишь в том случае, если это действие может быть выполнено [Alston, 1998. Р. 4]. Но поскольку мы не властны над нашими мнениями и убеждениями (не в состоянии произвольно поверить или разувериться в чем-то), то и сам разговор об эпистемических обязательствах некорректен. Проблема сознательного (произвольного) контроля чаще рассматривается с ретроспективной точки зрения – как проблема определения ответственности за совершенное действие (см., например, начало третьей книги «Никомаховой этики» Аристотеля). Для нас эта проблема важна и в перспективе будущего: как возможность приписывания обязательств эпистемическому субъекту.

Можно попытаться обойти эту проблему, один из способов предложен Фельдманом [Feldman, 2001], его анализ см. в [Шевченко, 2019]. Фельдман полагает, что эпистемическое обязательство представляет собой разновидность ролевого обязательства. Мы принимаем его, находясь в роли «верящего» (*“believer”*). Ролевые обязательства не предполагают произвольного или сознательного контроля. Такое обязательство аналогично обязательству родителя заботиться о своих детях или обязательству учителя объяснять материал. Тот факт, что родитель или учитель далеко не всегда могут хорошо исполнять эти обязательства, не отменяет сам факт их наличия. Используя эту аналогию, можно предположить, что эпистемические обязательства, таким образом, требуют от нас корректного исполнения нашей роли в качестве «верящего», точнее, работающего с верованиями эпистемического субъекта. В этом случае мы фактически применяем оценку на «должное» не к мнениям, а действиям субъекта и обходим, таким образом, проблему сознательного контроля над нашими мнениями или убеждениями. Действия эпистемического субъекта – это действия по формированию истинных мнений. Любой, кто вовлечен в эту деятельность, должен делать то, что правильно. В данном случае это, например, предполагает то, что эпистемический субъект должен основываться на фактах и свидетельствах, а не на своих желаниях или страхах [Feldman, 2001].

Р. 88]. Если мы принимаем такое решение, то дальше можно переходить к стандартным дискуссиям в эпистемологии добродетелей о требованиях к процессу и субъекту познания.

Возражение здесь может состоять в том, что все такие «ролевые обязательства» на самом деле представляют собой разновидность обязательств моральных, в то время как приписывание особых обязательств – родительских, педагогических и прочих предполагает каждый раз существование отдельного и специфического источника нормативности. Такое умножение сущностей может показаться недостаточно обоснованным. Этот контраргумент прежде всего апеллирует к методологическому требованию простоты – поскольку наша объяснительная схема будет проще без эпистемических обязательств, нам следует от них отказаться. Однако в возражениях против «ролевого» подхода к объяснению эпистемических обязательств используются примеры, в которых центральная интенция действия заключается в заботе или помощи другому человеку: родителя – ребенку, учителя – ученику, врача – пациенту. Неудивительно, что такие случаи относительно легко интерпретировать как случаи морального отношения, что и позволяет обойтись без постулирования многочисленных «специальных» обязательств. Но даже в этих случаях не все такие ролевые обязательства легко интерпретировать как обязательства моральные. Так, если обязательство родителя заботиться о здоровье ребенка достаточно легко истолковать как моральное, то для обязательств, более «удаленных» от непосредственной заботы (например, обязательство посетить спортивный матч или школьный спектакль с участием ребенка) более убедительным может выглядеть объяснение через обязательство ролевого типа, в данном случае – «родительского». Так что ролевое объяснение не является простым избыточным удвоением обязательств, а помогает понять нечто специфическое по поводу отношений между субъектами определенного типа (в частности, родителями и детьми). Концептуальная экономия в данном случае не выглядит уместной.

Встречались и другие попытки погрузить эпистемическое долженствование в зону морального. Аргументация опиралась на постулаты инструментальной рациональности. Основная идея здесь заключается в том, что при прочих равных условиях следует делать то, что с наибольшей вероятностью пойдет на пользу людям [Wrenn, 2012. Р. 122]. Отсюда делается вывод о том, что следование постулатам эпистемической рациональности (таким, например, как учет фактов и имеющихся данных в поддержку того или иного мнения) может трактоваться как часть более общей аргументации утилитаристского толка.

Действие считается обоснованным не тогда, когда оно является наилучшим или желательным, а когда оно допустимо с точки зрения какой-то принятой системы принципов. Соответственно, поскольку эпистемическое обоснование сохра-

няет ориентацию на истину, то обоснованным то или иное мнение может считаться в том случае, если оно не нарушает некоторой системы базовых принципов, например, обобщение может считаться обоснованным лишь тогда, когда имеется достаточная индуктивная поддержка. Говоря о том, что у некоторого субъекта есть основания придерживаться определенного мнения, мы имеем в виду, что, в слабом смысле, отсутствуют какие-либо правила или принципы, которые бы ему это запрещали. Более сильный вариант – утверждение о том, что имеющиеся основания обязывают его придерживаться этого мнения.

Если мы признаем наличие эпистемических обязательств как обязательств особого рода и эпистемической ответственности познающего субъекта, то возникает вопрос о границах такой ответственности, о пределах эпистемически должного. Здесь снова очевидна аналогия с этической проблематикой. Действия, выходящие за рамки должного, широко обсуждаются в моральной философии. Обычно примеры включают ссылки на ставшую уже классической статью «Святые и герои» [Urmson, 1958], поэтому часто они воспринимаются как действия редко встречающиеся. Сама категория была предложена для разрешения одного затруднения в классификации моральных действий. В стандартной классификации моральных действий они подразделяются на запрещенные, обязательные (должные) и безразличные с моральной точки зрения. Однако многие действия не являются ни морально запрещенными, ни морально обязательными. При этом и безразличными их никак назвать нельзя, так как обычно они получают очень высокую моральную оценку. В качестве стандартных примеров – действия святых и героев, но на самом деле в эту категорию попадает и целый ряд вполне тривиальных действий. Так, например, дополнительное внимание к человеку, уделенное ему время часто, строго говоря, не являются обязательными и поэтому их уже можно трактовать как действия, выходящие за рамки должного. Обращает внимание, что сама категория сверхдолжного возникла благодаря совмещению двух классификационных шкал: первая включает деонтические категории морально должного, морально запрещенного и вторая – оценочная шкала с оценками действий от наихудшего до наилучшего.

Соответственно, морально сверхдолжные действия – это такие, которые не являются ни запрещенными, ни требуемыми с точки зрения моральной теории. Они опциональны, произвольны. Эту же схему можно применить и к анализу поведения познающего субъекта в эпистемологии. Тогда эпистемически «сверхдолжное» действие так же не будет являться ни запрещенным, ни обязательным, и в то же время находиться выше на оценочной шкале других возможных действий в данной ситуации. Так, А. Плантинга в связи с этим говорит о необходимости «сверх-

должного усилия», которое является условием эпистемического совершенства (*epistemic excellence*) [Plantinga, 1986. P. 7].

Рассмотрим пять типовых примеров сверхдолжных действий в сфере эпистемического обоснования, предложенные Хедбергом см. [Hedberg, 2014]. В первом примере некто периодически проверяет, не забыл ли он пин-код своей кредитной карточки, хотя он никогда не совершал ошибок при его вводе и у него есть все разумные основания полагать, что он его помнит. Это действие соответствует всем условиям сверхдолжного действия – оно не является обязательным, оно не запрещено и оно похвально с эпистемической точки зрения, так как помогает этому человеку удерживать полезную для него информацию (истинное мнение). Даже если заменить в этом примере полезную информацию на совершенно бесполезную, то все равно такое поведение останется эпистемически «похвальным», так как помогает поддерживать истинность мнения или убеждения. Однако критиковать его можно не только с точки зрения благоразумия, по пруденциальным основаниям, но и с позиции «эпистемической перегрузки». Как отмечает Тидмэн, «...учитывая ошеломляющее количество новых верований, которые мы приобретаем каждый день, такие героические усилия выходят за пределы того, чего требует разумная концепция эпистемических обязательств» [Tidman, 1996. P. 270]. Конечно, у нас сохраняется обязанность удерживать и проверять наиболее важные или спорные верования, но наши эпистемические обязательства не могут распространяться на все имеющиеся у нас верования хотя бы в силу невозможности обработки такого огромного количества информации.

Второй пример сверхдолжного действия аналогичен первому, но касается уже критической рефлексии, т.е. не широты охвата, а «глубины» работы с имеющимися мнениями. В принципе похвально подвергать такой рефлексии, например, мнения, подсознательно приобретенные в течение дня, включая самые тривиальные. Такая рефлексия может помочь отсеять истинные мнения от ложных, но вряд ли, конечно, можно считать такие упражнения эпистемически должными. Постоянная критическая рефлексия над собственными верованиями и невозможна, и вряд ли разумна. Здесь помимо той же опасности «эпистемической перегрузки» можно апеллировать и к недостаткам «максимизирующей» модели рациональности, о чем пойдет речь ниже.

Третий пример описывает подготовку к научному диспуту. После прочтения десятка статей по теме участник сформировал определенную позицию и усвоил основные аргументы, необходимые для ведения дискуссии. Однако он продолжает изучать все новые и новые материалы, что представляется избыточным для достижения поставленной цели. Здесь сверхдолжное понимается как поведение, не-

обязательное с точки зрения инструментальной рациональности – неоптимальное с точки зрения соотношения цели и средств ее достижения.

Четвертый пример касается количественного требования, которое нередко обращено к эпистемическим субъектам – «стремиться увеличивать количество обоснованных истинных мнений и уменьшать количество ложных». Некто, в ущерб другим видам досуга, каждый вечер уделяет значительную часть свое времени чтению энциклопедии, в попытке сформировать какое-то новое и обоснованное мнение. Опять же, это не запрещено, это похвально, но вовсе не обязательно, т. е. также находится за пределами эпистемически должного. В качестве последнего, пятого, примера такого действия автор приводит пример исследователя, который сталкивается с некоторой физической теорией за пределами его компетенций. Не удовлетворяясь консенсусом авторитетных ученых, он начинает самостоятельно исследовать эту теорию. И снова, скорее всего, такое поведение можно считать эпистемически похвальным, но вряд ли оно является эпистемически должным.

Все эти примеры имеют целью продемонстрировать поведение, которое мы интуитивно воспринимаем как эпистемически сверхдолжное. Как объяснить такие интуиции? Представляется, что возможным подходом будет обращение к концепции «удовлетворяющей рациональности» (*satisfying rationality*), которая представляет собой альтернативу стандартной для инструментальной модели идеи рациональности как максимизации. В таком случае рациональным будет отвергать такие эпистемические требования (подобные приведенным выше), которые требуют от нас действий, выходящих за эти пределы. Концепция «удовлетворяющей рациональности» была предложена Г. Саймоном как альтернатива идее максимизации, преобладающей в инструментальных концепциях рациональности. В основе ее лежит мысль о том, что, в отличие от представлений классической экономики, люди не стремятся максимизировать исход определенного действия (так как они не в состоянии воспринять и усвоить всю необходимую для этого информацию). Даже если такое и было бы возможно, то мозг не смог бы всю эту информацию обработать по причине естественных «когнитивных ограничений».

Поэтому люди в самых разных ситуациях удовлетворяются не наилучшим, а «достаточно хорошим», тем, что удовлетворяет поставленной цели. В процессе ее реализации люди рассматривают последовательность альтернатив и, когда они достигают той, которая оказывается достаточной, они ее принимают. Такое поведение не обязательно является оптимальным, но, по мнению Г. Саймона, именно так люди ведут себя в реальной жизни. Более того, последовательное стремление к максимизации может оказаться не только неоптимальным, но и контрпродуктивным. В пример такого противоразумного поведения нередко приводят старуху из сказки А. С. Пушкина о рыбаке и золотой рыбке. Такую удовлетворяющую мо-

дель можно применить и к эпистемическим обязательствам. Можно предположить, что аналогичным образом люди обычно ведут себя не только в практических, но и эпистемических контекстах. Различение этих двух моделей рационального поведения (удовлетворяющей и максимизирующей) позволяет лучше понять различия между требованиями строгой нормативности и рациональности [Карпович, Шевченко, 2013]. В первом случае мы рассматриваем некоторое идеальное положение дел, постулируя открытость информации для эпистемического субъекта, его неограниченные когнитивные возможности и т. д. В случае требований эпистемической рациональности мы имеем в виду реальное положение дел, прощая эпистемическому субъекту неизбежные когнитивные ограничения.

Еще одна возможность, ослабить жесткую нормативность и выйти из зоны «сверхдолжного» – это рассматривать эпистемические обязательства не как обязательства *prima facie*, какими они представлены в вышеприведенных пяти примерах, а фактически как обязательства *ultima facie*, т. е. с учетом всех соображений (*all things considered*). В таком случае эпистемическое обязательство будет включать не только эпистемическое «ядро», но также и моральные и пруденциальные соображения. Такая позиция представлена, в частности, в [Booth, 2012]. Автор полагает, что поскольку наши мнения и верования подвержены не только эпистемическим ограничениям, то, соответственно, и эпистемические обязательства не могут определяться исключительно ими. Он считает, что эти нормативные соображения самого разного рода составляют одно простое долженствование (*ought*). Против такого подхода есть немало аргументов, прежде всего тот, что такое «схлопывание» самых разных источников нормативности в одно простое обязательство неизбежно будет требовать дальнейших детализаций и уточнений. С другой стороны, можно надеяться, что такой реалистичный баланс нормативных (и, возможно, разнонаправленных) сил позволит снять или ослабить проблему эпистемических обязательств, выходящих за рамки долга.

Кроме того, можно рассматривать проблематику эпистемически сверхдолжного не с точки зрения отдельных эпистемических императивов подобным выше, но и с позиции эпистемических возможностей познающего субъекта. Принцип “*ought implies can*” связывает наши обязательства и возможности. Если мы будем рассматривать проблематику эпистемических обязательств с этой точки зрения, принимая во внимание неизбежные когнитивные ограничения конкретных людей, то принцип «долженствование предполагает возможность» очевидным образом будет ограничивать сферу действия эпистемических обязательств. Так, имея доступ к одним и тем же эмпирическим данным, Шерлок Холмс и доктор Ватсон обладают разными познавательными способностями и, если придерживаться формулы

«должен – значит можешь» и, соответственно, «не можешь – значит не должен», то различными будут и их индивидуальные зоны эпистемически должного.

Список литературы / References

- Демин Т. С.** Проблема Геттиера: что делать с головоломкой аналитической эпистемологии? // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 56, № 3. С. 58–75.
- Demin T.** Problema Gettier: chto delat s golovolomkoi analiticheskoi epistemologii? [The Gettier problem: what to do with the conundrum of analytic epistemology?]. *Epistemology and Philosophy of Science*, 2020, vol. 56, no. 3, p. 58–75. (in Russ.)
- Карпович В. Н., Шевченко А. А.** Рациональность и нормативность, вера и знание // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2013. Т. 11, вып. 2. С. 16–23.
- Karpovich V., Shevchenko A.** Ratsionalnost i normativnost, vera i znanie [Rationality and Normativity, Belief and Knowledge]. *Vestnik NSU. Series: Philosophy*, 2013, vol. 11, no. 2, p. 16–23. (in Russ.)
- Шевченко А. А.** О нормативных следствиях одной импликации // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3. С. 29–40.
- Shevchenko A.** On normative consequences of one implication. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 29–40. (in Russ.)
- Alston W.** The deontological conception of epistemic justification. *Philosophical Perspectives*, 1988, no. 2, p. 257–299.
- Booth A.** All things considered duties to believe. *Synthese*, 2012, vol. 187, no. 2, p. 509–517.
- Feldman R.** Voluntary Belief and Epistemic Evaluation. In: Steup M. (ed.). *Knowledge, Truth, and Duty: Essays on Epistemic Justification, Responsibility, and Virtue*. New York, Oxford, 2001, p. 77–92.
- Hedberg T.** Epistemic supererogation and its implications. *Synthese*, 2014, vol. 191, no. 15, p. 3621–3637.
- Plantinga A.** Epistemic Justification. *Noûs*, 1986, vol. 20, no. 1, p. 3–18.
- Tidman P.** Critical Reflection: An Alleged Epistemic Duty Source. *Analysis*, 1996, vol. 56, no. 4, p. 268–276.
- Urmson J.** Saints and Heroes. In: Melden A. I. (ed.). *Essays in Moral Philosophy*. Uni. of Washington Press, 1958, p. 198–216.
- Wrenn Chase B.** Why There Are No Epistemic Duties. *Dialogue*, 2012, no. 46, p. 115–136.

Zagzebski L. The Inescapability of Gettier Problems. *Philosophical Questions*, 1994, vol. 44, p. 65–73.

Материал поступил в редколлегию

Received

10.03.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Шевченко Александр Анатольевич

доктор философских наук

ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия)

Aleksandr A. Shevchenko

Doctor of Sciences (Philosophy)

Leading Researcher at the Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

shev@philosophy.nsc.ru